

Ночной занавес опустился на землю, и в вышине потекла звездная река.

В поместье принца Цзина, расположенном в самом центре квартала Цинхэ, еще с рассвета развесили красный шелк и фонари. Как только стемнело, их тотчас зажгли, и издалека поместье казалось залитым сиянием золота и киновари. У входа суетились слуги, а ступени были усыпаны толстым слоем конфетти от хлопушек — всё вокруг дышало шумным праздничным весельем.

Стоило подуть нежному весеннему ветру из заводи Цзяннань, как красные свечи внутри фонарей задрожали, отчего иероглифы «счастье» на них пустились в пляс.

В поместье принца Цзина сегодня справляли свадьбу. Третий день второго лунного месяца был выбран самим императором как самый благоприятный день по канонам гадания.

Государь провозгласил: третье число второго месяца благоволит любым начинаниям, а особенно — вступлению в брак.

Был ли этот день действительно благодатным, значения не имело. Важно было лишь то, что император твердо решил женить принца Цзина именно в этот срок. Даже если бы в поместье в этот день случились похороны, гроб пришлось бы отставить в сторону, чтобы под звуки флейт и барабанов сперва ввести «невесту» в дом.

Слово Сына Неба весит тысячу цзиней — и это было чистой правдой.

И неважно, что этот самый Сын Неба всего два года назад был выбит мятежниками из имперской столицы, города Ечэн, и, подобно побитому псу, трусливо бежал вместе с чиновниками на юг, в Юйхан, чтобы влачить там жалкое существование.

Однако, каким бы «бездомным псом» ни был император, он оставался императором. Тем более что совсем недавно он одержал крупную победу и теперь пребывал в зените славы и самодовольства.

Ведь во всей Поднебесной не осталось человека, который не знал бы: Его Величество захватил в плен непобедимого и наводящего ужас генерала Хо из Северной Лян и приказал перебить ему обе ноги.

Воистину, великое событие.

Радость была у всей империи Великой Цзин, радость была и в поместье принца. Но когда эта двойная радость постучалась в двери дома принца Цзина, обитатели его почему-то не ликовали. Напротив, лица у всех были такие, словно они провожали в последний путь собственных родителей.

В конце концов... Если захватил вражеского генерала — пытай его или казни, дело обычное. Но нарядить этого генерала в подвенечное платье и выдать замуж в поместье принца в качестве наложницы... Это... что это вообще за чепуха такая!

Потому-то в поместье в этот день хоть и гремела музыка, а хлопушки не смолкали полдня, ни на одном лице не промелькнуло и тени улыбки. Слуги сновали туда-сюда, создавая видимость суеты, но каждый из них старался не поднимать глаз и не проронил ни слова. Это безмолвие, разлившееся посреди праздничного убранства, делало атмосферу в поместье гнетущей. И чем дальше вглубь дома, тем тяжелее становился воздух.

Особенно в зале Аньинь.

Зал Аньинь был личными покоями принца Цзина. Само название «Аньинь» — «Мирный покой» — выбрал для него дворцовый наставник из «Лотосовой сутры». В этом не было ничего удивительного: принц Цзин с самого рождения был слаб и болезнен и никогда не отличался крепким здоровьем. То, что он умудрился дожить до этих пор в таком хилом теле, многие считали не иначе как милостью Будды.

Внутри зала Аньинь в этот миг царила залитая светом тишина. Во всем поместье висел красный шелк, и только здесь не было ни единого клочка. Под ночным небом ярко горели свечи, дул теплый бриз, и несколько вековых грушевых деревьев во дворе устилали землю белыми лепестками.

Служанки входили и выходили, глядя строго в пол и не смея громко дыхнуть. Все знали: у Ван-е (принца) сегодня дурное расположение духа. Принц и в обычные дни был немногословен и редко улыбался; его вечно мрачный вид казался окружающим глубоким и непостижимым — никто не мог угадать, что у него на уме. А сегодня — и подавно.

Оно и понятно. Пусть о пристрастии Ван-е к мужчинам знали все, он не был человеком неразборчивым. Где это видано — превратить вражеского полководца в калеку и отдать принцу «в младшие жены»? И дело даже не в том, насколько опасен этот человек, подобный раненому зверю. Сам императорский указ был абсурдным до крайности: это было не повеление, а пощечина, написанная на свитке, прямое унижение достоинства принца.

Так что плохое настроение Ван-е было вполне оправданным. Слугам оставалось лишь прислуживать с удвоенной осторожностью, чтобы под горячую руку не лишиться головы.

В комнате стояла мертвая тишина. Поскольку в дом брали наложницу, принцу не нужно было лично встречать паланкин, но обряд «брачной ночи» никто не отменял. Посему принц Цзин с самого утра был при полном параде: облачен в расшитое золотом алое одеяние, черные волосы убраны в нефритовую корону. Он сидел на кушетке, держа в одной руке свиток. Слуги бесшумно замерли по сторонам, не смея его беспокоить.

Маленькая служанка, прислуживавшая во дворе, робко вошла внутрь. Старший слуга велел ей вынести таз с водой, стоявший у гримерного столика. Она шла, низко склонив голову, не смея смотреть по сторонам. Атмосфера во дворе казалась ей тяжелой, но она и не подозревала, что в покоях принца будет еще страшнее.

В курильнице тихо тлел сандал, обстановка была строгой и торжественной, а светильники горели ярко, как днем. Казалось бы — чистота и покой, но служанке почудилось, будто она попала в подземное царство в окружении демонов, и ноги её предательски задрожали.

Стараясь не производить ни звука, она безмолвно поклонилась принцу и поспешила поднять медный таз. Но так как она редко прислуживала в покоях, движения её были неловкими. Когда она поднималась, край таза случайно задел край стола из черного сандала. Раздался глухой стук, и несколько капель воды выплеснулось наружу.

Этот звук разорвал гробовую тишину. Руки девушки дрогнули, всё тело напряглось, и она в ужасе вскинула взгляд на своего господина. Она увидела, как принц поднял глаза и его взор спокойно остановился на ней.

До чего же красивы были эти глаза. Узкие, с лениво приподнятыми уголками, обрамленные длинными ресницами под изгибом тонких бровей — томные и чарующие, точь-в-точь как у тех

соблазнительных демонов из книг, чей пол невозможно определить. У самого края этого прекрасного глаза алела крошечная родинка. В мерцающем свете ламп казалось, что один взгляд на неё может вытянуть душу.

Но служанка похолодела до самых костей. Эти глаза были черными, как бездонная пропасть. За их вызывающей красотой скрывались надменность и лед; он смотрел на неё так, словно перед ним был неодушевленный предмет. Ноги девушки подкосились, она рухнула на колени. Медный таз с грохотом упал на пол, расплескав воду.

—

Цзян Суйчжоу одеревенело махнул рукой, жестом приказывая девушке уйти. Та, словно получив великое помилование, принялась неистово бить поклоны, вымаливая прощение, а затем, подхватив мокрый таз, пошатываясь, убежала вон.

Глядя ей в спину, Цзян Суйчжоу почувствовал легкое замешательство.

«...Кто я такой? Неужели я настолько страшный?»

Но этот вопрос он, конечно, не решился произнести вслух. Да и объяснить было некому.

Он помнил, что только что закончил отвечать на сообщения студентов и выключил компьютер, собираясь лечь спать. Для него это был самый обычный день — если не считать той дипломной работы, которая была уж слишком дилетантской. В конце концов, он несколько лет проработал лектором в университете J, выпустил не один поток и видел немало странных работ. Он считал себя человеком искушенным и всегда старался сохранять спокойствие и доброжелательность в общении со студентами.

...Но он впервые видел, чтобы студент исторического факультета писал диплом, основываясь на неофициальных хрониках, превращая научный труд в подобие авантюрного романа.

Там утверждалось, что Хо Уцзю, генерал-основатель империи Лян и маркиз Динбэй, имел тайные причины для уничтожения империи Цзин. Причина якобы крылась в том, что, будучи заложником в Южной Цзин, он был взят в наложницы неким болезненным принцем с титулом «Цзин» (имя которого в истории не сохранилось). Перенеся три года унижений, он, вернувшись в Северную Лян, с такой яростью и скоростью обрушился на врага именно из-за затаенной обиды. И именно поэтому тот самый принц Цзин, о котором в официальной истории сказано лишь пара строк о ранней смерти от болезни, на самом деле умер не своей смертью.

Он не скончался от недуга — его обезглавил маркиз Динбэй. Чтобы отомстить за былые обиды, маркиз вывесил его голову на стене города Линьань и продержал её там целых три года.

Цзян Суйчжоу тогда подумал, что парень явно ошибся факультетом — ему бы в сценаристы. Для историка использовать такие источники — всё равно что изучать историю династии Цин по сериалу «Принцесса Жемчужина».

Поэтому Цзян Суйчжоу безжалостно раскритиковал работу и вынес вердикт: сменить тему и переписать всё заново. Но студент оказался упрямым. «Откуда вам знать, что неофициальные хроники — ложь? Вы не можете называть мою работу выдумкой только на этом основании! Сколько бы документов вы ни изучили, вы там не были и своими глазами этого не видели!»

Получив такой ответ, Цзян Суйчжоу лишь усмехнулся. «Чтобы изучать историю, я должен лично при этом присутствовать? Если я изучаю палеонтологию, мне что, в лес идти и в

обезьяну превращаться?»

Он хладнокровно поправил очки и напечатал: «В ваших словах есть логика. Но работу — переписать».

Отправив это, он с улыбкой помассировал затекшую шею и выключил компьютер. И в тот же миг всё вокруг погрузилось во тьму.

«...Свет отключили?» Но вокруг была такая чернота, какую не увидишь даже самой темной ночью.

Цзян Суйчжоу замер, пытаясь нащупать на столе выключатель.

Но не успел он протянуть руку, как вокруг вспыхнул свет.

Это были лампы, но свет их был живым — прыгающим и колеблющимся.

Пламя светильников озарило всё вокруг.

Он увидел, что сидит в комнате, залитой теплым желтым сиянием. Убранство было целиком в древнем стиле: пространство разделяли ширмы и резные стеллажи «добаогэ», создавая атмосферу уединенности, благородства и строгости. Хотя в декоре и не было ярких красок, а вещи выглядели архаично, в отблесках на их поверхностях чувствовалась сдержанная, величественная роскошь.

Комната была крайне просторной. Повсюду стояли служанки — на первый взгляд их было не меньше семи-восьми, и каждая замерла, опустив глаза, так что толпы совсем не чувствовалось.

В голове у Цзян Суйчжоу воцарился хаос.

«...Галлюцинация?»

Он опустил взгляд.

На нем было надето ярко-алое одеяние с широкими рукавами. Тяжелый шелк ниспадал благородными складками, а сложный узор из облаков, вышитый золотыми нитями, таинственно мерцал в свете ламп.

Судя по фасону — конец династии Цзин или начало Лян.

Книга в его руке была напечатана вертикальными столбцами справа налево, традиционными иероглифами стиля Сун. Судя по следам туши, это была еще эпоха ксилографии — печати с деревянных досок.

Низкий столик под рукой был сделан из ценного палисандра Хуанхуали, а чайная чашка... он видел такую в музее.

«Чашка с растительным орнаментом и молочно-белой глазурью из гробницы князя эпохи поздней Цзин».

Взгляд Цзян Суйчжоу остекленел.

«...Кто я? Где я? Какого черта вещи, выкопанные из могил древних людей, делают у меня на столе?»

Именно в этот момент та неловкая служанка издала негромкий звук, столкнувшись с мебелью, и привлекла его внимание.

Но стоило ему лишь скользнуть по ней взглядом, даже не успев подобрать слова, как девчушка лет десяти в ужасе рухнула на колени, разлила воду и принялась неистово бить поклоны.

Цзян Суйчжоу сам опешил от страха.

Он изо всех сил постарался сохранить самообладание и махнул рукой, приказывая ей удалиться.

Девочка, преисполненная благодарности, подхватила таз и бросилась прочь. Не пробежав и пары шагов, она едва не поскользнулась на разлитой воде и чуть не сбила входящего мужчину.

— Что за манеры, несносная девчонка! А ну вон отсюда! — прикрикнул тот.

Голос принадлежал евнуху.

Цзян Суйчжоу поднял на него глаза. Мужчина подбежал к нему семенящим шагом; лицо у него было миловидное, а на губах играла улыбка.

Улыбка казалась вполне искренней, с легким оттенком подобострастия.

— Господин, — он привычно поклонился перед Цзян Суйчжоу, затем подошел поближе и, почтительно склонившись, доложил:

— Паланкин уже прибыл. Господин, нельзя упускать благоприятный час.

Цзян Суйчжоу молча смотрел на него, а рука, спрятанная в рукаве, больно ущипнула его за ладонь.

Он не верил, что мог вот так внезапно переместиться во времени.

И более того — оказаться в ситуации, когда, даже не понимая, кто он такой, ему предстоит встретить...

Брачную ночь.

От переводчика: Дорогие читатели приветствую вас. Надеюсь, чтение этой истории принесет вам удовольствие. Если вдруг вы заметите опечатку или ошибку, которую я проглядела - буду рада вашей подсказке. Давайте вместе доведем перевод до идеала. Приятного чтения !

<http://bllate.org/book/16965/1577079>